

Галина Карташова

Принцесса Хренова

Галина Карташова
Принцесса Хренова

«СУПЕР Издательство»

2025

УДК 84стд1-442.3
ББК 82-3

Карташова Г. И.

Принцесса Хренова / Г. И. Карташова — «СУПЕР
Издательство», 2025

ISBN 978-5-9965-3284-1

Книга, которую вы держите в руках, - настоящее путешествие в детство, полное озорных историй, доброго юмора и тёплой бабушкиной любви. Галина Карташова с такой искренностью и улыбкой рассказывает о годах в деревне: о погоне за упрямым петухом, тайнах старого дома, малиновых «набегах», собачьей дружбе и невероятных приключениях, которые кажутся самыми важными на свете, когда тебе восемь. Эти истории пахнут свежескошенным сеном, парным молоком и мёдом из одуванчиков - они возвращают нас в то самое беззаботное детство, где счастье можно поймать за хвост, если бежать босиком по траве.

УДК 84стд1-442.3

ББК 82-3

ISBN 978-5-9965-3284-1

© Карташова Г. И., 2025
© СУПЕР Издательство, 2025

Содержание

Часть 1	6
Пролог	6
Про петуха	8
Дом на Ононской улице	10
Лето	12
Привидение	13
Рикарда	15
Как правильно есть помидоры	19
Принцесса Хренова	21
Лужа	23
Лирическое отступление	24
Тузик	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Галина Карташова Принцесса Хренова

Непридуманные истории, которые вполне могут быть чьей-то выдумкой

Моей семье. Без вас ничего бы этого не было

С любовью

Иллюстрации: А. Соколов

www.superizdatelstvo.ru

© Галина Карташова, 2025

© СУПЕР Издательство, 2025

Часть 1 Деревня

Пролог

Много ли вы знаете деревень, притаившихся среди крученых сопок? С широкими, вольготными улицами, сельской библиотекой и погостом на лысой и гладкой, как галечный камень, горе.

Это был целый мир между двумя поездками на автобусе из дома и домой. И неизбежная тошнота – в стареньких «пазиках», что курсировали по деревням, всегда пахло топливом, дерматинном, вареными яйцами и сладкой газировкой «Аромат сливы» или «Буратино».

Знаете ли вы, где восьмилетней девочке спастись от полуденного зноя? Надо бежать по Ононской улице, которая упирается в прохладную быстроногую речку. Затем повернуть налево и идти по узенькой тропке вдоль скал. Угрюмо насупившись, эти скалы упрямо нависают над совершенно крошечной тобой, защищая от палящего солнца.

Тут надо не забыть оторвать ивовый прутик. Очистишь его от тонкой молодой кожицы – и ну рассекать надвое прохладный прискальный воздух. Щух! Фьюить! И ни один комар с таким прутиком не страшен. Ни один паук с противной и липкой паутинкой, натянутой между кустами шиповника и боярышника.

Знаете ли вы, что на самой высокой скале, куда можно забраться с пологой стороны чуть ближе к деревне, лежат большие белые камни? В конце мая выпускники выкладывают из них надписи «9 А», «11 Б» или «Прощай, школа!»

Я любила бродить среди этих камней и трогать их прохладные шершавые бока. Иногда перекладывала в «3 Г» или «Верхний Шаранай» – много ли вы знаете деревень с таким названием?

А потом забиралась на самый высокий выступ скалы и жадно ловила ладонями солнце. Передо мной плавной лентой расстился Онон, неся свои стремительные воды к величавой Шилке.

– Эге-ге-ге-гей! – набрав в лёгкие побольше воздуха, кричала я изо всех сил. – Мир! Ты меня слышишь? Не-е-бо! Привет космонавтам!

Мир отвечал тишиной, в которую погружалась деревня в послеобеденную жару. Выси-лась голубая даль с косматыми, похожими на кляксы облаками. Квохтали куры из ближних сараев, потревоженные громким криком. Тёплый ветер трепал выгоревшие на солнце волосы и приносил самые душистые запахи: черёмухи и моего деревенского детства.

Как называется ваша деревня? Есть ли она на картах? Живут ли там люди? Есть ли там мир?

Про петуха

Старенький «пазик» глухо кашлянул, вспугнув сонных воробьев на ветхой крыше остановки. Затем фыркнул бензиновым облаком и открыл скрипучие двери. В предрассветное утро из автобуса вышли двое ростом метр с кепкой.

– Ебушки-воробушки! – загоношилась на проводах птичья братия. – К Катерине Васильевне внучата приехали. Отсидимся в соседнем селе.

Нетрудно догадаться, что этими двумя были восьмилетняя я и брат Денис. Он совсем ненамного старше, всего-то на год и три месяца, зато нос задирает, будто ему все двенадцать.

Дорога до дома пролегла под горой, мимо деревенского кладбища и колодца, которым уже давно никто не пользовался. Ходу десять минут, но мы, увлеченные созерцанием окрестностей, ползли едва ли не час. Лупили палками молодую крапиву, росшую вдоль покосившихся заборов, и долго кричали в колодец, вызывая эхо.

– Солнечный круг, небо вокруг – это рисунок мальчишки, – нестройно тянули мы, гордо вышагивая по задворкам бабушкиной усадьбы. Сердце вырывалось из груди, предвкушая очередное замечательное лето. В воздухе витал дух парного молока – деревенские хозяйки уже успели подоить коров.

– Тузик! Тузик! – мы заорали что есть мочи и кинулись к будке с любимой собакой.

Пёс, с которым у нас сложилась неземная любовь, бросил косточку и залился громким приветственным лаем. Зуб даю, он единственный был рад нашему приезду, гикам и свистопляске. Остальная живность попряталась по насестам и стайкам.

– Ба, что на обед? – дружно спросили мы, вдоволь нализавшись с собакой.

– Петуха сварить хотела, – глядя куда-то за кладбище, ответила наша бабушка Екатерина Васильевна. – Он, зараза такая, совсем ополоумел: яйца собирать не даёт, клюётся. Его давно под нож надо, но резвый, поросёнок, убегает.

– Давай мы поймаем? – адский огонёк промелькнул в голубых глазах.

– Поймайте, – сказала бабушка и пошла прятать вилы.

Через пять минут на заднем дворе началась охота.

Петух гордо стоял у кормушки, наблюдая за суетливыми курами.

– Цыпа-цыпа-цыпа, – вкрадчивые голоса юных оглоедов нарушили покой на птичьем дворе.

Петух скосил глаза, глянул в сторону и похолодел от ужаса: надвигалась угроза.

Всплеснув крыльями, Петя выдал боевое «кукареку» и во все окорочка понёсся в картоху, ругая на чем свет стоит мать-курицу, которая не родила его орлом.

– Стой, блохастый! – орал мы, размахивая холщовым мешком и веткой метра на полтора больше нас.

– Меня так просто не возьмёшь! – кукарекал петух, перепрыгивая через сочную зелёную ботву.

«Гонки по вертикали» продолжались около часа. В борьбе за жизнь петух сиганул в кукурузу. Рванул в горох. Мы с Денисом не отставали. Капустные грядки, табак, морковь – Петя, который пять минут назад был грозой двора, бегал по родным пенатам как ужаленный. Куры попадали в обморок и на всякий случай выполнили двухдневную норму по несению яиц. На цепи радостным лаем заливался Тузик – у него с петухом были свои счёты.

Возмездие настигло грозу двора в стайках. Усталый, напуганный, с нелепо обвисшим гребнем, он тяжело дышал. Мелкие варвары прижали его веткой к стенке.

Петух кукарекал траурный марш «На смерть героя» и отчаянно клевал воздух.

– Денис! Галя! Почто животину мучаете? – бабушка спешила на помощь петуху. Но на помощь ли?

– Ба! Мы его поймали! – орал чумазые и заполошенные внуки.

– А мучить-то зачем? – сказала бабушка и, надев верхонки, смогла-таки взять птицу в руки. Петух не сопротивлялся. Его честь, достоинство, имидж короля двора были поруганы погоней и мелкими пакостниками. Васильевна взяла топор. Петух помолился куриным богам.

Ощипывали и варили грозу двора до самого вечера.

– Ох и вредная ты птица, – ворчала бабушка. – Даже суп из тебя не так-то просто сварить. Денис! Галя! Оставьте в покое кота, наконец!

Пёс Тузик поминутно облизывался, предвкушая ужин из косточек заклятого врага.

Дом на Ононской улице

У меня были самые обычные бабушка с дедушкой.

Зуб даю, такие есть у каждого второго ребенка. На удивление простые, с грузом прожитых лет. Непростая деревенская жизнь пролегла глубокими морщинами на лбах и навсегда отпечаталась на их ладонях – грубых и шершавых у деда и мягких, с глубокой и замысловатой линией жизни у бабушки.

Я любила приезжать в их светлый, просторный дом под номером 25 по Ононской улице. Это был самый красивый дом в деревне. Бабушка – учитель географии, завуч, дочь участника Великой Отечественной войны и весьма бойкая женщина, добилась строительства этого дома в Райсовете.

– Доколе? – уперев руки в боки, грозно вопрошала Екатерина Васильевна на районной комиссии по распределению денег на улучшение жилищных условий. – Ютимся с дедом и взрослым сыном в избе-пятистенке, которую еще до революции построили. Половицы прохудились, того и гляди в подпол провалимся. А к нам внучата приезжают, гости заглядывают. Срам, да и только!

Райсоветовские женщины, слушая горячий и стройный бабушкин монолог, который я привожу в сокращенном виде, дабы не шокировать читателей познаниями Екатерины Васильевны в великом и могучем русском языке, поминутно приглаживали мех на своих шапках. Песцовый, лисий и кроличий – он вздыбился от бабулиной ругани в адрес всей правящей верхушки. Спорить не стали – бесполезно. К лету деньги выделили.

Строили всей семьей. Пока не было окон и дощатого настила, я ужасно любила играть в доме одна. Ходила на цыпочках по деревянным балкам и перекладинам, представляла себя балериной Улановой: поворот, прыжок... Не удержав равновесие, я летела в кучу песка.

– Стыд-позор, а не Уланова, – ругала сама себя.

– До Улановой нос не дорос! – в дверном проёме стоял дед. Посмеивался над неуклюжей внучкой и сильными руками в один рывок вытягивал меня обратно на балки. – Тренируйся, мнуча, пока полы не постелили, – и уходил по своим делам.

Раздосадованная несостоявшейся карьерой балерины, я задирала голову и вызывала эхо. Воробьи, успевшие свить гнезда под самой крышей, возмущенно чирикали. Эхо не вызывалось. Подумаешь!

Расписывал дом дядя Вася – художник по профессии. Стены выкрасил светло-коричневой краской. Пустил по ним трафареты с витиеватыми узорами – листьями, цветами, завитушками. Выстелил крыльцо кафельной плиткой бордового цвета. Перила крыльца были зелеными.

Я стояла как дура, слушала запах свежей краски и щебет птиц. Замышляла диверсию: взрослые строго-настрого запретили забираться по приставной лестнице на крышу, где сидел красивый деревянный петух.

Приходили соседки.

– Цо-цо-цо! – восхищенно цокали языками. – Катя, кухня – в футбол играть можно. Молодец, Васильевна! Такие хоромы забавали!

Бабушка гордо приосанивалась. Морщинки на загорелом, обветренном лице расправлялись, и бабуля молодеда на глазах.

– Гоня, – обращалась она к деду, – ставь самовар, чаёвничать будем.

Пока женщины за разговорами шумно прихлебывают чай из больших кружек с оранжевым узором, я сижу в комнате бабушки и деда. Разглядываю моющиеся фотообои, на которых причудой дизайнера 90-х изображен голубой лес. Ветки на рисунке сплетаются в странные лица. Мне представляются чудовища. Я взвизгиваю и опрометью несусь на кухню.

– Ты чего, заполошная? – смеется соседка тётъ Галя Истомина. – Какая муха тебя укусила?

– Чудовищная, – вздыхаю я, надеваю потрепанные сандалики (мама купила их на прошлой неделе, но я уже успела порядком ободрать им носы) и, толкая двумя руками тяжелую дверь, обитую синим дерматином, выкатываюсь в жаркое деревенское лето.

Лето

У моего лета веснушки и привкус черёмухи. Звонкое.

Оно щекочет меня за пятки, садится солнечными зайчиками на нос и каждое утро обещает самый длинный и самый удивительный день в году.

– Пойдём, – улыбается заговорщически, тянет за подол короткого сарафана в малину.

– Стой, а пауки? – осторожноичаю.

– С ума сошла? Какие пауки? – отвечает лето. – Там самая сладкая ягода! Не простишь себе, если не попробуешь.

А за околицей Онон. Властный, быстрый, прозрачный – дно видать, каждый камушек и мальков, снующих так резво, что ни сачком, ни банкой не зацепить. Надо ставить корчажки.

Когда тебе восемь, кажется, мир создан специально для тебя. Он большой и безграничный, соткан из разноцветья, солнечных лучей вперемешку с косыми ливнями и запахом цветочного поля. Стоишь дураком и втягиваешь носом воздух. Пахнет богородской травой, что растёт за деревенским кладбищем.

В восемь лето пронзительно. И вечера! Прозрачные, с лёгкой грустинкой: как там мама, скоро ли приедет ко мне в деревню? Чувствуешь, как ветер обнимает за плечи и говорит полупшёпотом:

– Эй, ну не грусти! Чего тебе хочется? Чем отвлечь? Хочешь самое лучшее на свете лето? Вот, держи!

Ладони тяжелеют, будто туда и правда положили счастье – столько, что унести никак. Надо бы поделиться с дедом. Он любит лето. Он поймёт.

Утром бабушка отправит за одуванчиками. Из желтых шляпок будем делать мёд.

Вы пробовали одуванчиковый мёд? Я научу вас правильно его есть. Надо от свежего хлеба отрезать корочку, густо намазать сметаной, а сверху положить десертную ложечку мёда. Вприкуску с крепким, горячим и сладким чаем с молоком самое то!

В восемь глубокие царапины на коленках и ладонях совсем не саднят и не любят зелёнку.

В восемь сердце открыто и немного щемит от предвкушения чего-то большего, чем твой маленький мир, наполненный стрёкотом кузнечиков и шумом реки.

– Эй, – кричит лето, – не спеши взрслеть!

И взяв меня за руку, уводит через калитку на заднем дворе. Уводит на гору, где растут крестики, спички и можно долго сидеть, наблюдая, как на деревню опускается вечер.

Привидение

Слегка покосившийся пятистенок высился чёрной громадиной на заднем дворе. В доме хранили хлам и всякие полезные в хозяйстве вещи. Деда складывал конную упряжь, бабушка – старые ведра с дырявыми доньями. На чердаке сушили табак.

В большой комнате дядя Вася – младший брат папы и художник по профессии – устроил мастерскую. Завесил стены плакатами с Аллой Пугачевой и «Аббой». Пришпандорил календарь за 1994 год. Утрами здесь рисовал и слушал сборник «Союз». К обеду закрывал оконные ставни, чтобы сохранить в избенке прохладу, и уходил спать в новый дом. Тогда старый дом погружался в молчание, только дверь в сенях легонько поскрипывала от теплого июльского ветра: скрип-скрип.

В такие минуты дом становился загадочным и даже страшным. Оживали призраки прежних жильцов. Бабушка Зина с морщинистым лицом смолила у печки самокрутку. Дядя Володя ворочался на полотах.

– Эхе-хе-е, – вздыхал в чулане домовой.

Я страсть как боялась заходить в этот дом. С подружкой Танькой не страшно: она на три года старше. Одна – ни за какие коврижки.

Денис сказал, что дом этот проклят. Под него деревенская колдовка зарыла куриную косточку, когда вдрызг разругалась с нашей прабабушкой Зиной. Ему девять, он врать не будет. А вот любимую куклу здесь спрятать – запросто. Без куклы какая игра в дочки-матери? Придется искать. Кукла – это вам не коврижки какие.

Собрав волю в кулак, я шагнула в темные сени. Вдохнула сырость, поежилась от прохлады. Огляделась по сторонам. Кукла Катя притулилась на подоконнике. Желтое платье в горошек вымазано зеленкой. На редких ресницах голубого пластмассового глаза Катьки – муха.

– Кыш, зараза! – в сердцах воскликнула я и обмерла. Мамочки! Это же я вслух! Ну как, всех призраков в доме перебудила?

И тут я заметила, что дверь, ведущая из сеней в избу, открыта настежь. Непорядок. Дать бы дёру, но любопытство заставило заглянуть в дом.

С кровати, что стояла точнёхонько напротив входа, в кромешной с яркого солнца темноте на меня смотрели глаза. Большие, яркие, внимательные.

Шерсть на шкодливой заднице встала дыбом. Сердце ухнуло в живот. Страх засаднил в солнечном сплетении. В ушах зашумело, в висках застучало, ноги стали ватными. Вот тебе, кукла Катя, и привидение. Сейчас сожрёт – поминай как звали.

Я приготовилась умереть.

– Ты чего, мнуча? – сказал через мгновение призрак голосом деда. – Чего шумишь?

– Деда-а-а-а, – сползло по стенке малохольное тело внучки.

– Я, – насмешливо ответил дед. – Кимарю тут, от жары прячусь.

– Ты ж меня до микарда довел, – ответила я и заревела белугой.

– От вас, однако, спрячешься. Вас, однако, доведешь, – дед, посмеиваясь, сел на кровати.

Скрипнула панцирная сетка. – Пошли, будем твой микард «Дунькиной радостью» лечить.

Он встал, потянулся, нахлобучил на голову серую хлопковую кепку и степенно вышел из дома. Мы с Катькой засеменили за ним, не оборачиваясь.

– Эхе-хе-е, – посмеивался вслед домовой.

Рикарда

– Ромка! Задери тебя ишак! Ты где шляешься? Ночь-полночь, а его никакого нет! – тётя Валя летела по деревне нам навстречу. Белая в цветочек косынка съехала на бок, волосы выбились из тяжелого пучка. Твёрдая, быстрая поступь тётя Вали и длинная хворостина в руке не сулили ничего хорошего.

– Мам, мамка, ты не ругайся. Я Галинке мальков показывал – мы корчажку проверяли.

– Я тебе щас дам корчажку! Быстро домой, рыбаки недоделанные. Катя с ума сходит, а внучка по деревне шляется! – Отвесив сыну негромкий шлепок по «бестолковой тыкве», тётя Валя гордо зашагала позади нас, подгоняя бранью и хворостиной.

С Ромкой мы дружили на каникулах, когда я приезжала к бабушке. Мальчишка он был хороший: деревенский, с добрым сердцем и отменной лопоухостью. Одни собирают приключения на мягкое место, Ромка же предпочитал действовать ушами.

– Накосорезил? – сочувственно и по-взрослому спрашивала я, когда товарищ по шкодам выходил в улицу с краснющими, что твой помидор, локаторами.

– Накосорезил, – соглашался Ромка и рассказывал очередную историю, которая непременно сопровождалась родительскими «Господибожемой!», «Да когда это кончится!» и «Сил моих больше нет!».

Эти-то выражения мы слышали каждый день. Потому что лето короткое, а дела и приключения не ждут.

Жарким полуднем, когда солнце замирает над деревней, а взрослые, животины и даже ветер предпочитают подремать часок-другой, мы с Ромкой сидели на брёвнах. Сидели и лениво кидали перочинные ножички в мягкий, как масло, песок. Игра в ножички надоела, идти на речку было лениво, а в резиночку друг со мной никогда не прыгал – девчачья игра.

– Пошли к Фроловым малину воровать? – Ромка поднял на меня глаза, улыбнулся и пошевелил ушами.

– Дурак? У Фроловых Рикарда. Хочешь без жопы остаться?

– Тётя Аня его в обед в сарае запирает. Пошли, – потянул меня за шорты друг. – Я лаз в их заборе знаю.

– Пошли, – я спрыгнула с брёвен, вытерла грязные ладошки о футболку на пузе, и мы пошли на дело.

Надо отметить большую любовь тёти Ани Фроловой к мыльным операм. Рикардой она назвала большого и злющего индюка – в честь Рикардо Линареса из «Дикой Розы». Пернатый Рикарда, конечно, уступал по красоте своему мексиканскому тёзке, зато темперамент у него был ого-го! Самый что ни на есть индюшачий. Держал в страхе всю округу. Даже собаки его побаивались. Что уж говорить о нас, мелких, кожа да кости, пакостниках.

Лаз в заборе был узок и прикрыт штaketиной, которая болталась на одном гвозде, как на соплях. Пробраться на территорию Фроловых у меня получилось с трудом и с белёсыми царапинами по плечам и бёдрам. Ромка притащил откуда-то небольшую чурку, взгромоздился на неё и перемахнул через забор.

– А обратно как? – спросила я парня.

– Что-нибудь придумаю, – отмахнулся Роман.

Знаете ли вы, друзья, что малина в чужом огороде – вкуснее не придумаешь? Крупная, сладкая, и клопов почти нет. Нарвёшь горсть, запихаешь в рот разом, сок по подбородку течёт, на кончике языка сладость с кислинкой – аж скулы сводит. Ешь и от удовольствия причмокиваешь.

В такие моменты время замирает. Стоит в сторонке, любитесь тобой и, конечно, улыбается. Не спеши, мол. Когда ещё вот так, в кустах, расцарапанная острыми малиновыми шипами, всклокоченная и беспечная, ты будешь есть чужую малину?!

Словом, Время, Ромка и я были увлечены процессом.

Внезапное и грозное «кулды-кулды-кулды» раздалось где-то рядом с нашими шкодливыми задницами. Мурашки резво пробежали по телу, спина похолодела, в голову ударил ледяной ужас, ноги стали ватными.

Мы втянули головы в плечи и медленно повернулись. Сквозь заросли малины на нас смотрел Рикарда.

Мы знали: с нарушителями границ и расхитителями тётки Аниной собственности птица церемониться не станет. Клонет так, что будем лететь, пердеть и радоваться, что живы остались. Однако в том, что мы выживем, у нас с Романом были очень большие сомнения.

– Ромах, чё делать? – прошептала я перепачканными в чужой малине губами.

– Я его отвлеку, а ты беги к дырке в заборе, – ответил мой самый храбрый в мире друг и сиганул из кустов в сторону картофельного поля. Рикарда раскрылатился, ещё раз грозно кулдыкнул и попёр вслед за парнем. Я метнулась к забору.

Ромка запрыгнул на бочку для воды, которая так кстати оказалась перевернута. Индюк, не замечая препятствий, стремглав летел на ушастого и наглого врага.

– Беги! Спасайся! Полундра! – заорал Роман и, не удержав равновесие, навёрнулся с бочки прямо в картоху. Рикарда, обрадованный позорным падением врага, ринулся в бой.

Не помню, как я оказалась за забором. Наверное, на автопилоте. Сердце бешено колотилось, в горле пересохло, в висках стучало, по спине бежал пот.

– Рома-а-а! – что есть мочи заорала я. – Я тут, – ответило мне тело, торчащее между штaketником спиной вперёд.

- Давай быстрее, не то Рикарда тебя сожрёт!
- Не могу, – отчаянно виляя фасадом, жалобно завыл он. – Застрыл! Ухи не пролазят!

В этот момент у меня перед глазами пронеслась вся наша с Ромкой дружба.

Вот мы тузим друг друга при знакомстве.

Вот он сажает противную лягушку мне на голову.

Вот я отвечаю ему звонкий подсрачник лакированной туфелькой.

Вот на меня напали деревенские ребята, и противный Ромка-котомка бросился защищать.

Вот он дует на мои коленки и прикладывает к ним подорожник.

Вот я украдкой тырю у бабушки сдобные булочки с маком и несу их другу.

Вот мы вместе ставим корчажки, купаемся, ходим на скалы смотреть огненные закаты и дружим против всего мира.

Вот полдень, малина, индюк и друг, застрявший ушами в заборе.

Индюк! Етишкин корень! Ещё чуть-чуть, и Ромка останется без глаза. Рикарда, как пить дать, клюнет его прямо в глаз!

– Тащи, – вывел меня из оцепенения громкий крик.

Я схватила друга за пояс на его школьных брюках и отчаянно потянула на себя. За забором раздавалось яростное «кулды-кулды». Все ближе и ближе.

– А-а-а! – заорал Роман. – Уши! Мои уши!

– А-а-а! – заорала я и дёрнула со всей дури.

Хрясь! Треснули брюки.

Чпоньк! Ромка вылетел из ловушки, как пробка из бутылки шампанского на Новый год.

Буц! Рикарда ударился могучей грудью о ту сторону забора.

Вжух! Уши Романа запылали ярче пионерского галстука.

Мы вскочили и дали дёру.

Конечно, наш позорный побег с места преступления не остался незамеченным. Тётя Аня Фролова, разбуженная громким ором, успела увидеть кульминационное торчание Ромкиной головы в заборе. О происшествии доложила родителям.

– Как думаешь, прилетит? – мы сидели на брёвнах за огородами и отчаянно переживали.

– Нахерачат, – обреченно сказал Роман.

Мы тревожно вздохнули.

– Роман? Галина? Где вас черти носят? – тётя Валя и бабушка выплыли из-за угла. – Опять по чужим огородам шастаете, птицу пугаете? Индюк у Ани чуть не помер от страха.

– Это мы чуть не померли от Рикарды, – тихо огрызнулся Ромка. – Накажешь, мамк?

– Вы сами себя наказали, – усмехнулась женщина. – У одного уши размером с подсолнух, у другой вся харя исцарапана. Как есть – дикари. Марш по домам!

– До завтра, – Ромка боднул меня головой в плечо.

– Пока, – я коснулась огромного пламенеющего уха. – Не болит?

– Ни капельки, – ответил Ромка.

И через мгновение добавил:

– Коза потрепанная!

– Дурак ушастый!

Мы посмотрели друг на друга и заржали.

Как правильно есть помидоры

Подтянула шорты, оттопырила как следует резинку и шлепнула ей по тугому пузу, похожему на баскетбольный мяч. Поскребла острые коленки пальчиками с антиманикюром. Поправила хвост – он вечно, как пьяный сосед, заваливается на бок: то на правый, то на левый. Толкнула дверь и важно вышла во двор.

– Мнуча проснулась! – обрадовался дед.

– Как есть балалайка, – всплеснула руками бабушка и отправилась готовить завтрак для внучки балалаечного пошиба.

Знали бы вы, друзья, какой была еда моего детства!

В те времена, когда оливки ещё казались отвратительной гадостью, мое деревенское утро начиналось за вытянутым столом, накрытым клеенчатой скатертью. В ожидании завтрака я водила пальчиком по квадратам и завитушкам. Иногда палец упирался в замусоленный подкрученный треугольник, который деловито топорщился посереде гладкой, как лысина всё того же пьяного соседа, скатерти.

– Опять на клеёнке хлеб резали, – ворчит бабушка. – Конечно. Досок-то в доме нет.

Мы с дедом виновато улыбаемся и подмигиваем друг другу: я правым глазом, он – левым.

На столе появляется большая белая кружка с оранжевыми узорами. Она немного щербатая и без ручки. Некрасиво, конечно, но какое вкусное в ней молоко! Парное, белое-белое, теплое и сладкое. Пока бабушка не видит, можно погрузить в него губы, чуть разжать и выпустить струю воздуха, делая вид, что ты – подводная лодка и пускаешь пузыри. Только не сильно, иначе молоко разлетится по всей летней кухне и бабушка будет недовольна.

К молоку – большая корочка белого хлеба. Хрустит так, что в Париже багетам слышно и, может быть, им даже немножечко завидно и стыдно, что не получается вот так хрустеть. Сверху – утренние сливки. Посыпаешь все это дело сахаром – и в рот. Вкусно – за ушами трещит! Какие там круассаны!

Потом набегаешься во дворе до чернющих пяток, ныряешь в избу, к фляге с чистой водой. Зачерпнёшь ковшом и пьёшь большими глотками: гыт-гыт-гыт. Вода студёная – дед только-только до колодца ходил. Зубы сводит, горло горит, а ты пьёшь. Потому что для детей с грязными пятками нет ничего вкуснее, чем эта вода. И мороженое ещё, конечно.

А помидоры с сахаром пробовали? Я научу, как правильно. Собираешь в теплице самые спелые помидоры. Желательно помясистее, покрупнее. Мыть их вовсе не обязательно. Достаточно тятп-ляп обтереть красные бока о штанину, и готово. Затем берёшь вазочку с сахаром, миску помидоров и устраиваешься на полу в зале. Там прохладно и палас мягкий. Надкусываешь помидорину аккуратно, чтобы сок не брызнул на свежую побелку. Окунаешь свежую помидоркину рану в блюдце с сахаром, а затем отправляешь в рот. Добавьте сюда хорошую книгу или «Утиные истории» по телику. Вот увидите, вкуснее перекуса не придумали!

Или чёрная смородина. Все думают, что она в варенье вкуснее. Глупости какие. Смородину надо есть с куста и как бы мимоходом. Идёшь по своим делам, цап гроздь покрупнее в ладонь и пропускаешь её между пальцами – средним и указательным. Ягоды остаются в ладони и не лопаются. Набираешь пригоршню – и в рот. Кисло-сладкий коктейль. Мыть вообще необязательно – бабушка же не видит. А раз не видит, значит, не было ничего.

Я могу рассказать про то, как вкусно есть хлеб с маслом, посыпая его все тем же сахаром.

Про горох, который особенно хорош, если ты сидишь в засаде на брата в самом центре гороховой грядки.

Про малину, которую есть с куста строго запрещали.

Про бутерброды из печенья и масла.

Про хлеб с вареньем и шоколадную конфету, порезанную на 8 частей... Но лучше расскажите вы, что было самым вкусным в вашем детстве. Вдруг я ещё не все попробовала?

Принцесса Хренова

«Принцесса хренова» – так меня называет бабушка. Я верчусь перед старым массивным зеркалом, в которое сто лет назад точно смотрелись принцессы. На мне розовое в рюшах платье. Мама купила его на наш выпускной из первого «Г». Объёмные воланы щекочут плечи и шею. Подол прикрывает колени в синяках. На правом локте – крупная бордовая ссадина. Бабушка говорит, что ссадина эта размером с Луну и что меня ноги не держат.

Вообще-то, это не ноги виноваты, а ходули. Я просто хотела догнать на ходулях кота Мурзика. Не рассчитала скорость, запуталась и брякнулась.

Принцесса хренова смотрит на себя в зеркало. Чёлка топорщится, в ней играет солнечный лучик. Вчера я самолично её подстригла. Почти под корень. Бабушка охала весь вечер, а дед смеялся.

Мне вовсе не обидно быть принцессой хреновой. Даже интересно.

– Ба, – поворачиваюсь я к бабуле. – А как зовут эту принцессу Хренову?

Бабушка удивленно вскидывает на меня глаза, на секундочку округляет их и начинает смеяться. От души, всем телом. И я замечаю, как её лицо молодеет.

– Да вот как тебя зовут, так и её звали, – сквозь смех и слёзы отвечает бабушка.

– Она хорошая, – расплываюсь я в уверенной улыбке.

– Хорошая, конечно, – продолжает смеяться бабушка. – И не хулиганит, как некоторые.

А потом я пойду в магазин за сгущёнкой и хлебом. Буду важно вышагивать в своём розовом с рюшами платье. В некоторых местах даже пританцовывать, потому что принцессы всегда так ходят: чинно, важно и немного пружинисто.

– Здравствуй, – скажет мне продавщица в белом чепчике. – Ты чья? Как тебя зовут?

– Здравствуйте, – отвечу я. – Вообще-то Галя, но вы можете называть меня принцессой Хреновой.

Продавщица засмеётся, подергивая плечами и свежей химией, которая упрямится из под чепчика.

– Принцесса хренова, ой, не могу! – продолжает звенеть она. – Почему ты хренова-то?

И тогда я скажу:

– Я точно не знаю, но бабушка говорит, что у нас имена одинаковые. И что принцесса Хренова – очень интересная личность, которая далеко пойдёт.

Продавщица смеётся ещё громче, заворачивает хлеб в бумагу, отсчитывает сдачу.

– Держи, принцесса Хренова, – протягивает она сахарный петушок на палочке.

Я делаю реверанс и говорю спасибо. Потому что принцесса Хренова – самая вежливая принцесса на свете.

Лужа

После дождя дорогу в деревне размывало знатно.

Проехать можно было только на тракторе. И трактор ездил, оставляя на и без того ухабистой Ононской улице ямы размером с полколеса.

Однажды после затяжного ливня мы с Денисом вышли из ворот. Важно прогулялись вдоль забора туда-сюда. Проверили синий почтовый ящик, намертво прикрученный к зелёной калитке, – почты не было. Попытались снять со столба Мурзика. Кот нам не доверял, а потому сиганул в малину – от греха подальше. Мы вздохнули и обвели взглядом улицу.

Напротив – тётя Галин дом, аккуратный и невысокий. Качаются от легкого ветра в палисаднике у окон летней кухни молодые березы. Слышно, как на соседней улице тарыхтит ЗИЛ. Солнце освещает умытые дождем крыши. Высятся сопки. Бабушка строго-настрого запретила ходить на гору из-за невиданного в то лето количества змей – ужей и гадюк. До ужина еще целая вечность, а потому надо найти занятие.

На дороге, аккурат напротив нашей калитки, образовалась огромная лужа, где впере-мешку с коровьими лепешками студнем дрожит дорожная грязь.

– Спорим, это самая большая в мире лужа? – говорю я.

– Дура, самые большие лужи бывают в Африке, – цедит сквозь зубы Денис.

– А вот и нет, – распаляюсь я. – У нас тоже бывают глубокие лужи. Как Байкал. Проверим?

– Проверим! – с готовностью подхватывает брат.

Р-р-раз! Мы зашли в лужу по самый срам, прикрытый новенькими белыми трусами.

Два! Денис выдал мне пендель, от которого я окунулась в грязь по шею и первопроходцем переплыла лужу.

Три! Брат последовал за мной.

Лирическое отступление

Я абсолютно уверена, что у каждого нормального человека должна остаться в памяти хотя бы одна приличная лужа – глубокая, с липкой грязью и пузырями. Лужа, в которой увяз сапог или, на худой конец, утонул бумажный кораблик из тетрадного листка в крупную белую клетку.

Нужно обязательно хорошенько вымазаться в грязи, да так, чтобы потом тебя долго отмывали в бане или ванной. Родители, конечно, не похвалят за испачканную одежду, грязные руки, лицо и мокрые ноги. Но лужа! Лужа навсегда останется в вашей памяти как самое идеальное детское преступление.

– Катя! Катерина Васильевна! – разрезал воздух пронзительный крик тётъ Гали. – Твои что удумали – в луже купаются. На дороге, Катя!

Бабушка среагировала мгновенно.

– Да когда же это закончится! Бегу! – вытирая мокрые руки о передник, бабуля сайгаком кинулась к нам.

К тому времени, как она добежала, мы с Денисом перебрались в лужу поменьше. Уселись в ней, словно Будды, и, держа за уши двух мягких зайцев (я – белого, брат – синего), попеременно окунали их в дорожную жижу, сосредоточенно приговаривая:

– Пиздакоки! Пиздакоки!

Бабушка охнула и схватилась за сердце.

В ночь пришлось топить баню – завтра ждали приезда родителей. Трусы и майки дед сжег в печке – отстирать и привести их в божеский вид не представлялось возможным. Зайцам повезло больше – их все же прокрутили в полуавтоматической стиральной машине «Океан» и повесили сушиться на заднем дворе.

Про «пиздакоки» маме с папой, конечно, рассказали. Не одной же бабушке ломать голову, что это за слово такое.

Тузик

– Ну чего ты там возишься? Быстрее давай, – Денис подгоняет меня длинной остроносой палкой, которую подобрал тут же, у гаражей. – Сейчас Лайма вернется и сделает нам хакакири.

– Да иду, иду, – пыхчу я, ворочаясь на пузе в узкой норе под гаражом соседа дядь Володи.

Из сырого и темного лаза выбираюсь ногами вперед. В волосах застряла паутина. Новенькие спортивки хоть сейчас выбрасывай. Футболка с одуванчиком на круглом животе еще десять минут назад была белой, а сейчас, как позже скажет мама, – «господибожемой» и «хоть святых выноси». Её теперь только папе в гараж, на тряпки.

– Вот он! – торжественно заявляю я. Выпрямившись, отнимаю руки от груди и раскрываю ладони. Неповоротливый забавный комочек ворчит и посасывает мои пальцы. Из пяти подслеповатых щенков, которых принесла дворовая сука, этот оказался самым интересным.

Лаз под гаражами нам показал дядь Володя. И про щенят тоже он рассказал. Предупредил, конечно, чтобы животину не трогали, а то Лайма за своё потомство задаст нам трепки.

Ну разве можно шпане – штаны на лямках – раскрывать такие секреты? Любопытство моментально стало большим и круглым, как воздушный шар. Оно росло, ширилось, заполняя каждую клеточку наших с братом тшедушных тел.

Щенята! Щенята! Это же умереть не встать как интересно!

Пару недель мы крутились у гаражей, раздумывая, как бы отвлечь Лайму и посмотреть на щенков. Собака, к слову, матерью была ответственной. Выводок свой надолго не бросала, с благодарностью принимала объедки и хлеб, которые ей приносили сердобольные обитатели двора, а чужих собак прогоняла прочь. Сегодня Лайму что-то отвлекло от материнства, и она убежала, оставив щенков одних. Надолго ли?

– Давай оставим его себе? – спросила я брата, поглаживая плюшевого зверя большим пальцем правой Руки.

– А мама что скажет? У нее же аллергия, – неуверенно протянул Денис.

– Мы его отмоем и сколотим будку под окнами. Пусть живет во дворе.

– Давай, – обрадовался брат.

Мы круто развернулись на пятках в сторону дома и вдруг застыли. Перед нами стояла Лайма, строгая и внушительная. Спина у собаки прямая, хвост калачом, уши в напряженной стойке. Взгляд внимательный и суровый.

– Приплыли, – прошептал Денис и оттеснил нас с щенком за спину. Я тревожно сглотнула.

Лайма нас знала преимущественно по хлебу с маслом и обглоданным косточкам из маминного борща. Собаку мы подкармливали регулярно. В благодарность она разрешала гладить себя и даже иногда давала лапу.

– Лайма, Лаймочка, ты только не ругайся, – мягко сказал Денис. – У тебя таких пятеро, а у нас ни одного. Тебе же кормить их не на что. Посмотри на себя: кожа да кости. Мы обещаем, нет, клянемся, что с твоим сыном, – в том, что это мальчик, мы ни капельки не сомневались, – все будет хорошо. Поверь, Лайма.

– Поверь, – пискнула я и протянула к собаке открытые ладони, на которых шевелился и постанывал щенок.

Лайма негромко зарычала, потянула носом воздух и подалась вперед. Щенок, учуяв запах матери, зашевелился активнее.

– Всё, – пронеслось в моей голове. – Это конец. Сейчас собака заберет его у нас, и мы больше никогда не увидимся.

– Лайма, пожалуйста, – прошептали мы с братом, – отпусти его с нами.

Не знаю, о чем в тот момент думала бесхозная собака с отвисшими темными сосками. Наверное, о том, что ей и правда сложно прокормить такую ораву. Что яма под гаражом скоро станет тесновата для неё и потомства. Что до зимних холодов рукой подать. И потом, эти двое с голубыми глазами, кажется, станут хорошей опорой хотя бы одному из её детей. Она внимательно посмотрела в глаза брату, перевела взгляд на меня, уткнулась мордой в мои ладони, лизнула щенка и засемила в сторону деревянного барака, в котором мы жили на первом этаже.

У единственного подъезда мы простились.

– Спасибо, Лайма, – сердечно сказал Денис. – С ним все будет хорошо. Я потом тебе расскажу, как мы его назовём.

* * *

– Это еще кто? – мама стояла на пороге, уперев руки в боки. Из-под непослушной темной челки на нас смотрели строгие карие глаза.

– Познакомься, мам, – вежливо и торжественно начал брат, – Это Тузик. Теперь он будет жить с нами.

– Можно, пожалуйста, спасибо, – на всякий случай добавила я.

Наша мама умеет образцово закатывать глаза к небу и причитать про «за что же ей такое наказание». В этот раз без традиционной выволочки не обошлось, начиная с нашего порядком потрепанного вида и заканчивая фразой «закрыть бы глаза и в лес убежать». Дальше порога нас не пускали. В ход пошли слезы, сопли и уговоры. Мы божились, что будем сами ухаживать за щенком и выгуливать его восемь раз в день. Что теперь уборка исключительно на нас, а если надо, мы даже научимся готовить еду, стирать белье. Наконец, что мы станем самыми послушными в мире детьми и никогда не опозорим семью.

Щенок, кажется, понимал, что в этот момент решается его судьба. Он все еще лежал в моих ладонях, тихонечко ворчал и практически не шевелился.

– Не дети, а наказание, – мама повернулась в сторону кухни, откуда за жаркими баталиями в узкой и темной прихожей наблюдал дядя Вася. Папин брат еще утром приехал из деревни в районный поселок по делам. К вечеру собирался обратно.

– Татьяна, давай я его в деревню заберу? – улыбнулся самый лучший в мире дядя. – Ну что, сорванцы, отдадите щенка?

Мы радостно закивали. Решено: Тузик отправляется жить в Шаранай – к бабушке с бабушкой.

С тех пор каждый наш приезд в деревню начинался с громких криков, от которых у соседей случались икота и несварение.

– Тузик! Тузик! – голосили мы.

Пушистый пес, беспородная мать которого, очевидно, однажды снюхалась с овчаркой, встречал звонким лаем.

– Ты нас ждал? – традиционно спрашивали мы.

Тузик кивал мохнатой головой, а глаза его улыбались.

Тузик весь день проводил на цепи. Отпускали его на прогулку только после вечерней дойки коров и доброй порции каши. Когда черный ошейник с тяжелой цепью падал на землю, освобожденный пес бегал по огороду с громким лаем, задирая лапу то у одного, то у другого кукурузного стебля. Мы, как водится, бежали следом.

Всю ночь пес гулял по деревне, а утром возвращался домой.

Мы часами сидели у будки на заднем дворе, вычесывая густую шерсть для пряжи на рукавицы и носки. Просили лапу, и он давал. Спали рядом, уткнувшись в теплый собачий бок. Дразнили, поочередно напяливая дядин противогаз. В такие моменты Тузик садился напротив балбеса в противогазе, смотрел, недоумевая, и медленно с боку на бок перекладывал голову. Мол, был же вот, нормальный человек, а теперь не пойми что с длинным шлангом вместо носа. Словом, мы замечательно проводили время.

* * *

– Завтра с ночевкой на реку, – объявил однажды папа.

– Ур-р-ра! – дружно заорали мы с братом и принялись кругами бегать по двору, выражая высшую степень удовольствия.

Тузик, освобожденный уже от цепей, носился рядом и поддерживал неразбериху звонким лаем.

– Тузон с нами, – безапелляционно заявил Денис.

Взрослые, конечно, согласились. Потому что разве можно оставлять собаку и друга дома, когда идешь на речку, да еще и с ночёвкой? То-то же.

На следующее утро мы с братом проснулись раньше всех. Бабушка не считается. Она всегда встает ни свет ни заря, чтобы управиться с коровами, курами и приготовить на завтрак самые вкусные, самые большие и самые ажурные блины во всем мире.

Наспех перекусив, отправились паковать рюкзаки.

– Корчажка, фляга с водой, волейбольный мяч, походная кружка, перочинный ножик, – сосредоточенно перечислял Денис содержимое своего рюкзака.

– «Просто Мария», кукла Катька, бидон под боярышник, дедушкино глиняное блюдце, – не отставала от брата я.

– Туристы, – хмыкнул папа, глядя на наши сборы. – Дениска, ты – молодец! Все что надо собрал. А тебе, дочь, книгу, куклу и блюдце придется оставить дома.

На мое возмущение, что все приличные люди в поход непременно берут с собой что почитать, папа хохотнул и высыпал на дно моего рюкзака пару килограммов картошки. Сверху водрузил небольшой котелок. В котелке – алюминиевая кружка, четыре ложки и пачка индийского чая, сорт первый.

– Екатерина, я тебе про поход потом расскажу, – успокаивала я куклу.

Спустя миллион часов, потраченных на сборы, мы выдвинулись к реке. Папа шел первым, следом чуть вразвалочку семенила мама. Денис, размахивая длинной сучковатой палкой, шел третьим. Замыкала процессию я. Передвижению в колонне Тузик предпочел зигзаги и гонки по вертикали. Задрав хвост, носился вокруг нас, звонко лаял на птиц и радовался, что в кои-то веки проведет день на природе, а не на цепи.

Километрах в пяти от деревни, за высокой отвесной скалой у реки, которую окружают заросли ив, окунающих свои длинные, изящные ветви в воду, стоит «ресторан». Чтобы попасть туда, нужно перейти Онон вброд по мелководью, известному только местным.

«Ресторан» – это круглая высокая беседка с крышей, сплетенная из тонких и крепких ивовых стеблей. Соорудил ее кто-то из деревенских, без единого гвоздя. Папа говорит, что её построил дядя Вася с приятелями – Славуней и дядей Серёжей Большаковым. Мы в это охотно верим и даже гордимся рукастым родственником и его друзьями.

В «ресторан» мы навевались два, а то и три раза за лето. Разбивали лагерь с палатками, готовили шашлык, ловили рыбу самодельными удочками с единственным в семье перемётом, катались на лодке под строгим присмотром взрослых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.